

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ



УДК 093.2/94

DOI:10.22378/kio.2025.2.16-37

Источники о битве при Молоди (2)*

Олег Комаров

Научно-исследовательский центр «Военная археология»

Аннотация. В статье продолжен начатый В. И. Бугановым источниковедческий разбор источников о кампании 1572 г. русско-крымской войны, известной в историографии как Молодинское сражение. Описания этих событий мы видим в значительном числе разрядных книг и летописей, сохранившихся в списках XVI–XVIII вв. Методом текстологического сравнения выявлены первоисточники. В качестве базовых первоисточников названы разрядные книги – документы служебного пользования. Как взгляд с другой стороны, в качестве исследовательской опорной точки использовано письмо крымского хана. Сравнение источников между собой позволило отделить массив недостоверных слухов и искажений. Неподтвержденные слухи интересны исследователю, как отображение представлений современников о событиях. Привлечение краеведческого топографического исследования позволяет уточнять топографию событий. Прделанная работа предназначена для помощи исследователям кампании 1572 г.

Ключевые слова: Девлет Гирей I, Иван IV, Дивей-мурза, Михаил Воротынский, Молоди, Берег, гуляй-город, русские летописи, разрядные книги

Для цитирования: Комаров О.В. Источники о битве при Молоди (2) // Крымское историческое обозрение. 2025. Т. 12, № 2. С. 16–37. DOI: 10.22378/kio.2025.2.16-37

* Продолжение. Начало см.: Комаров О. В. Источники о битве при Молоди // Крымское историческое обозрение. 2025. Т. 12, № 1. С. 35–71. DOI: 10.22378/kio.2025.1.35-71

Наказ Воротынскому

В данном документе расписывались различные варианты военных действий, в т. ч. которые были реализованы на деле. Вначале рассматриваются действия хана в верховьях Оки. Там уже и предусмотрен вариант сражения не на Берегу. *«А где лучитца и сход со царем не у реки, и бояром и воеводам, выбрав место крепкое, да стати полки, чтоб поставити полки, и стрельцом поиззакопатися по крепким местом. А с кошем голов дву добрых крепких учинится, а поставити б их в крепком месте и стрельцов и казаков с пицальми в кошу оставити сколько пригоже, чтоб полк кошовый был особно; только бы стояли в крепком месте. А как полком стояти большому, и правой руке, и передовому полку, и сторожовому и левой руке и сколько меж их далече и в котором месте в какове крепости стрельцов поставити и казаков с пицальми, и в какове месте наряд поставити, и какая ему крепость учинити, и, о том приговори, бояром и воеводам розписати заранее и, полки уставя, вышед в каково место, присмотрити место до приходу до царева. А выбрать место таково, чтоб наряд и стрельцы полковых людей уберегали. А на наряд бы и на стрельцы полки напуцати было нельзя, таковы крепости поделати; о том, как, высмотря и приговори, полки поставити и как, приговоря, какую крепость учинити у наряду и у стрельцов у пеших людей, да то все заранее иззаписати да потому в приход царев где полком стати, таковы места себе и прибирати и крепость такову по приговору зделати у наряду у пеших людей. А без крепости наряду и стрельцом не в крепком месте однолично со царем бояром и воеводам не сходитися».* Далее рассматривалась оборона Оки от Калуги до Коломны. *«Да того беречи бояром и воеводам накрепко: как у реки станут против царя, а будет в ыном месте люди иные перелезут, и у бояр бы и у воевод, что было заранее розписано, которым пешим людем с пицальми и конным стояти против тех людей, которые учнут за рекою стоять, а ещо не перелезут; и которым полком от тех людей стояти и береженье держать, которые в ыном месте перелезут, чтоб, приговоря про то заранее, розписати, чтобы в то время ведал, кому где промышляти»* [1, с. 170–171].

Сообщение об окапывании подтверждает данные Пискаревского летописца о сооружении рва. Однозначно видно, что заранее были выбраны «крепкие места» (при разных ситуациях), где русские войска могли расположиться для действия против ханского войска. Это подтверждает сообщение Пискаревского летописца о выдвижение воевод к месту Молодинской битвы разными дорогами – они знали куда двигаться, не требовалось предварительного соединения. Становится понятной реакция царя на сообщение о ситуации на 28 июля, согласно Новгородской летописи – воеводы осуществили запланированный выход на позиции.

Сообщение Московского летописца о 3 тыс. стрельцах, погибших, не успев выстрелить, можно отвергнуть. Мы видим, что позиции должны были исключать такую ситуацию («на стрельцы полки напуцати было нельзя, таковы крепости поделати»), а по тексту летописца получается, что стрельцы стояли на открытых позициях, вне обоза, из которого действовал только наряд. Сама по себе такая ситуация (гибель от стремительной татарской конной атаки расположенных на открытых позициях пеших людей с пищальми) возможна, есть примеры, но описанный эпизод (даже с учётом преувеличенной численности стрельцов) к Молодинской битве не мог относиться. Например, можно предположить, что подобное случилось в кампании 1571 г. или ещё более ранней, и это подтолкнуло подчёркивать в Наказе биться строго с опорой на искусственные и естественные укрепления.

Описана и случившаяся ситуация. *«А будет царь, в котором месте перелетчи реку, поидет полки прямо к Москве, а войны не роспустит, и бояром и воеводам под царя голов з детьми боярскими посылати да, в котором месте пригоже, на крымские люди приходити, высмотря по себе, и языков добывати и про царево умышление подлинно проводывати. Да, смотря по вестем и розведав прямых вестей, и Москве помогати и на крымские люди приходити, чтоб дал бог дела царя и великого князя и земского поискати, а себя уберечи».* Видим обозначенный принцип: продуманная осторожность.

В случае «ропуска войны» (когда ханское войско начинало действовать загонами) Наказ предписывал: *«бояром и воеводам под люди голов с людьми посылати и стрельцов и казаков с пищальми и резвых людей неметцких посылати».* Эта схема узнаётся в «Повести о победе Воротынского» в описании действия передового полка Хворостина против сторожевого полка царевичей. В разрядной росписи про городских казаков прямо сказано – «конные». Стрельцы для быстрой переброски и участия в таких боях тоже должны были иметь коней. В «Повести о победе Воротынского» указаны только стрельцы, но из Наказа видно, что перемененно писали «стрельцы» и «стрельцы и казаки», «пешие люди с пищальми», т. е. в Повести терминологически сокращали.

Разрядная роспись и численность русского войска в сражении

Принято приравнивать числа из сохранившейся росписи за 1572 г. к числу участников Молодинского сражения. Однако, это предварительная роспись Береговой рати. Дан наряд по численности городских корпораций – это видно по числам, которые обычно округлены кратно до 10, 50 или 100. В других полковых росписях второй половины XVI – начала XVII в.

числа обычно «точные» («округленные» числа видим также в сохранившемся разрядном черновике 1580 г., известном как «разряд Симеона Бекбулатовича»). Реально собранная Береговая рать должна была иметь иную численность.

Можно обратить внимание на разрядную запись о государевом Немецком походе 1577 г. [21, с. 458–476]. Указано, что по прибытию царя в Псков, тот «розрядил полки». Приведены сводные данные по «детям боярским», «татарам», стрельцам и казакам, и их общее число (*«всего з государем бояр, и дворян, и детей боярских, и стрельцов, и казаков, и татар 19416 человек»*). При этом по полкам дана роспись только детей боярских. Далее записано *«Государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси во Пскове приказал против сей росписи по полком смотрети детей боярских воеводам, которые в котором полку написаны, а татар и стрельцов дворяном»*. И дана роспись по полкам. Уже вышло около 17 тыс. ратников. В первой росписи относительно «детей боярских» даны «точные числа», а «татары», стрельцы и казаки в первой росписи имеют округлённые числа, во второй – «точные». Т. е. оказалось на 15 % меньше. Если по первой росписи указано 7279 «детей боярских», то по второй можно насчитать 6283 чел. (на 16 % меньше). Это при том, что, судя по «точным» числам, ещё до прибытия в Псков проходили смотры детей боярских.

В разрядной росписи 1572 г. отдельно стоит считать 900 «вятчан», 1000 ратников заволжских городов, 1000 наёмных «польских» казаков и 1000 казаков, нанятых Строгановыми. В наказе Воротынскому в «судах» прямо отмечены 900 «вятчан» и 1000 наёмных казаков, и их функция ограничивалась боями на переправе. Когда в 1576 г. опять собрали на Берег северных и заволжских ратников и «донских казаков», то они были организованы в 3-х полковую судовую рать [19, с. 263–264]. Т. е. все эти 3900 ратников (а также ожидаемый отряд Мишки Черкашенина) образовывали судовую рать. В 1577 г. при Береговой рати «судовые люди» составляли полк под началом воеводы [19, с. 283], но роспись 1576 г. однозначно показывает, что опыт требовал её отдельной от полков Береговой рати организации. Действительно, для быстрой переброски за десятки км от Оки для этих ратников требовалось заранее выделить большое количество лошадей.

К моменту прорыва татар через Оку, дети боярские, стрельцы, городовые казаки располагались по полкам вдоль Оки, на большом расстоянии. Опять можно уверенно утверждать, что не все они осуществили переброску к месту битвы (в первую очередь, это могли сделать наиболее «добронные»).

Если численные данные в Московском летописце можно смело исключать, то числа по татарскому войску в «Повести о победе Воротынского» формально выглядят «реалистично». Численность ногайцев Теребердия

указана в 20 тыс., 2 тыс. татар хан оставил напротив Серпухова, 12 тыс. крымских и ногайских татар хан послал на помощь царевичам, 3 тыс. татар оставил «в отводе» при отступлении. Но это условные оценки, которые могут быть введены с повествовательной целью показать значение того или иного эпизода. Ориентироваться на них не представляется возможным.

Первоисточники о кампании 1572 г.

Из большого числа источников мы можем выделить первоисточники. Базовыми, как служебные документы, для исследователей следует называть разрядные записи и разрядную «Повесть о приходе крымского царя». Сеунч, отправленный царю, не предназначался для прямого публичного чтения, но неизбежно в своих акцентах приукрашивал успех. «Повесть о победе Воротынского» изначально создавалась для публичных целей с соответствующими акцентами (показать успехи воеводы), имеет ярко выраженную литературную обработку и использует недостоверные слухи. Тем не менее, два последних источника были созданы на основе данных, известных воеводам, они прямо отражают хронологию и топографию событий.

На основе этих первоисточников, ни один из которых в оригинале не сохранился, и сформировалась большая часть объема рассматриваемых источников. Сеунч мог стать основой сообщения Новгородской летописи – но при этом он претерпел искажения, возможно, дополнен слухами. Забелинский список «краткой редакции Повести» (по В.И. Буганову) – это сокращённый вариант списка разрядной повести с добавлением выписки о воеводах в Москве и слухе о пленении астраханского царевича. Запись в летописце Иовы основывалась на списке разрядной повести (с добавлением слуха о пленении «казацкого» царевича), привлекались сведения из сеунча. Повесть в Пискаревском летописце была составлена на основе списка разрядной повести (с добавлением слуха о пленении астраханского царевича и ширинских князей) и разрядных записей, были добавлены данные из устных источников (воспоминания участников, слухи разной степени достоверности) и были отзеркалены разрядные данные о других походах крымских ханов.

В соловецких летописцах были использованы полный и сокращённый вариант «Повести о победе», а в Архангелогородском летописце – краткий её пересказ. «Вторая редакция Повести» (по В.И. Буганову) – это сочетание (с искажениями) разрядной повести (с вариантом о пленении астраханского царевича), «Повести о победе», различных разрядных записей. Запись Мазуринского летописца также сочетала разрядные записи, разрядную повесть и «Повесть о победе». Повесть в РК1550 основывалась на разрядной повести, «Повести о победе», разрядных записях и се-

унче; текст претерпел некоторые искажения, а также составитель сделал уточняющие добавления, основанные на своих представлениях «как должно было быть».

В Московском летописце из названных первоисточников отразился только текст сеунча. В основе повествования – литературно обработанные устные источники разной степени достоверности, но в основном искажающие реальность.

Вне этих первоисточников были: краткое сообщение современного событиям вологодского летописца, записки Генриха Штадена, текст в полемическом сочинении Андрея Курбского [11, с. 146–150]. Первый источник не имеет связи ни с какими иными источниками – он основывался на современных событиям устным известиям. У Штадена и Курбского, современников событий, мы находим слухи, которые отобразились в других источниках. Текст записок Штадена нельзя назвать свидетельством очевидца, но, помимо ложных слухов, там можно найти некоторые уточнения по ходу событий. В тексте сочинения Курбского, составленного с определённой полемической целью (возвеличить победу опального воводы) фактически представлены только неподтверждённые слухи, часть которых известна по другим источникам (гибель двух и пленение одного царевича), а часть нигде больше не отразилась (захват знамени и шатра хана, участие и полная гибель в походе турок).

Реконструкция разрядных записей о событиях июля-августа 1572 г.

На основе записей в РК1559 и «Повести второй редакции» можно составить полный вариант разрядных записей о событиях в «царев приход».

«И первое дело было в субботу сторожевому полку князю Ивану Петровичю Шуйскому на Сенкине броду. А на завтрее в неделю царь крымской Оку реку перелез. И было дело в неделю правой руке, князь Никите Романовичу Одоевскому да Федору Шереметеву на Оке реке верх Нары, а Федор побежал и саадак с себя скинул; а дело было князю Никите одному. А большое дело было бояром и воеводам с крымским царем в среду у Воскресенья на Молодех. И божиею милостию крымского царя Девлет-Гирея и ширинских князей побили и Дивея мурзу взяли. И боярин князь Михайло Иванович Воротынской с товарищи послали к государю с сеунчем князь Данила Одреевича Нохтева-Суздальского. И государь к бояром и воеводам и к дворянем и ко всем служилым людей з жалованным словом и с похвалою и з золотыми Офонасья Александрава сына Нагова». Последнее предложение взято из РК1550.

Реконструкция разрядной «Повести о приходе крымского царя»

Можно попытаться реконструировать её полный вид. Подчёркнуты части текста, которые есть в «Повести второй редакции», а двойное подчёркивание – в Мазуринском летописце.

«Того же лета июля в 26 день прииде крымской царь на государевы украины, а с ним были его царевичи крымские и многия нагайския люди. И с украины царь крымской приишол к Оке реке к берегу июля в 27 день и Оку реку перелез под Тешиловым (?) [из РК1550]. А в Серпухове стояли воеводы князь Михайло Иванович Воротынской с товарищи. И тут царя через Оку не перепустили. [из Пискаревского летописца, летописи Иовы] И государевым бояром и воеводам на Сенкине перевозу со царем дело было. Июля в 28 день пошел царь крымской со всеми людьми к Москве, а войну не распустил [из летописи Иовы; фраза переделана по примеру «Наказа Воротынскому», и дошел до Похры от Москвы за 30 верст. А государевы бояря и воеводы за ним к Москве же пошли разными дорогами [из Пискаревского летописца], и город гуляй с ними же [из РК1550, летописи Иовы и Пискаревского летописца], и с нарядом, с пушками [из летописи Иовы]. И слышал то царь крымской, что воеводы государевы идут за ним, и царь крымской от Похры воротился назад въстречу государевым воеводам. И сшолся царь крымской со государевыми воеводами июля в 30 день в среду у Воскресения на Молодах от Москвы за полпятадесят верст. И учал передовыя люди тровитися. А бояре и воеводы в ту пору гуляй город поставили и ров выкопали [из Пискаревского летописца]. Большой полк стоял в гуляе городе, а иные полки стояли за гуляем недалече же от города; и почали с крымским царем битися, и божим милосердием у крымского царя многих людей, князей и мурз, и татар побили, и Дивея мурзу жива взяли. И крымской царь стоял на Молодах три дни. И государевы воеводы с ним билися из гуляя города, по крымским полком били из пушак из затинных и из пища-лей и побили ис тово норяду в царевых полках многих людей. И августа в 2 день в субботу царь крымской пошол с Молодей к Аке реке. А бояре и воеводы пошли за крымским царем же к Оке реке. Царь крымской, перелезши Аку же реку, пошел в Крым наспех. А государевы бояре и воеводы стали на берегу по своим местом. А Дивея мурзы послали в Новгород к государю». Последнее предложение есть в РК1550, летописи Иовы и Пискаревском летописце. Вариант РК1550 можно назвать искаженным, т. к., судя по дате приезда Дивея в Новгород, царь не успел бы указать привезти его к себе.

Часть вставок взята из одного источника, их наличие в полном варианте повести под сомнением, но информацию в них можно назвать фактом. Под вопросом только переправа хана под Тешиловым.

Реконструкция сеунча о победе над ханом

Можно примерно представить текст сеунча, который отразился в Новгородской летописи, РК1550, в вводном обобщающем предложении в «Повести о победе Воротынского», летописи Иовы, вставке в повести Пискаревского летописца.

«Приходил крымской царь к Москве с великим собранием, да сын его царевич, да внук его, да шурин его князей ширинских, да большой воевода Дивий мурза» (Новгородская летопись с уточнением по летописи Иовы и «*Повести о победе Воротынского*»). *«От Москвы за пятьдесят верст на Рожай на речкы, на Молодех у Воскресения Христова, на Лопасте, в Хотинском уезде, было дело князю Михаилу Ивановичю Воротынскому и иным воеводам государевым»*. (Новгородская летопись, уточнение по «*Повести о победе Воротынского*».) *«Божию милостию и пречистые богородицы помощью и московских чудотворцов милостивыми и ево царским счастьем и высокою рукою царя крымского и царевичей и ширинских князей побили»* (по РК1550 с уточнением по летописи Иовы) *«и войска ево побито безчислено, из земли побежал с немногими людьми»* («Повесть о победе Воротынского»), *«и убили многих князей, и мурз и татар. Да большого воеводу Дивея мурзу в живых взял суздолец Иван Шибаетов сын Аламыкин в сторожевом полку у князя Ивана Шуйсково; и иных мурз и татар поимали»* (по РК1550 с уточнениями по летописи Иовы и Пискаревскому летописцу).

Пленные и погибшие татарские аристократы в русских источниках

В Новгородской летописи потери знати не перечисляются, а о пленении Дивея сказано только по факту его появления в Новгороде. Современный событиям вологодский летописец, разрядная повесть, разрядная запись, а также сочинение Г. Штадена говорят только о пленении Дивея. Но сочинение Андрея Курбского свидетельствует, что быстро появились слухи о гибели двух сыновей хана и пленении царевича.

В российских источниках слух о гибели царевичей («царева сына царевича да внука царева царевича же колгина сына») отобразился только в «Повести о победе Воротынского», где он был отнесён к бою 2 августа. Также там говорится о гибели в бою 30 июля (вместе с пленением Дивея) предводителя ногайцев Терекбердея и трёх братьев – ширинских князей. В других российских источниках таких данных нет. Откуда они могли взяться?

В Новгородской летописи командование крымского войска обозначено: «царь Кримской... да сын его царевич, да внук его, да дядя его, да воевода Дивий мурза», а далее среди командования называются ширинские князья. В разрядных записях видим «крымского царя Девлет-Гирея и ширинских князей побили». В РК1550 видим «царя крымского и царевичей побили». В летописи Иовы: «убили у царя да у сынов его царевичев и шириньских князей».

Глава ширинов бек Хаджи был мужем Кутлу-Салтан, дочери хана Девлет Гирея. Он умер после 1578 г. [4, с. 34]. Видимо, его имели ввиду в Новгородской летописи (называя дядю хана), летописи Иовы (указывая, что ширинские князья – шурья хана, т. е. шурины, братья жены) и в повести РК1550 (называя князя ширинского Дербыша в описании военного совета).

Видим, что в «Повести о победе Воротынского» к погибшим были отнесены все перечисленные в сеунче представители высшего командного состава, кроме самого хана и пленённого Дивея (плюс, названный в самой Повести предводитель ногайцев).

Также мы видим распространение слуха о пленении царевича и ширинского князя. В Московском летописце этот слух отразился в указании на пленение «*Шириббака царевича*». Также мы видим варианты: пленение казанского царевича (летопись Иовы), пленение царевича и ширинского князя (РК1550), астраханского царевича и ширинского князя (Пискаревский летописец), астраханского царевича (Забелинский список разрядной повести).

Можно заметить, что в русских источниках из татарских военачальников по имени названы только пленённый Дивей и (только в «Повести о победе Воротынского») предводитель ногайцев Теребердей. Как проконсультировал А.А. Шейхумеров, это имя в оригинале должно было иметь вид Тенгри-Берды мурза. В описании русского похода на Крымское ханство в 1559 г. сказано, что из «Кипчятцкого улуса» крымских ногайцев приехал в качестве союзника «*Тягобердей мурза*» [15, с. 323]. Неясно, являлся ли он «нашим Тенгри-Берды». Тенгри-Берды мурза в 1570-е гг. известен как посол. В 1571 г. он ездил в Польшу (в документах отмечен как Арды-Бердей) [8, с. 871]. В 1578 г. «Тягриберды» был отправлен послом в Россию [3, с. 40]. В посольствах представителей самой верхушки не отправляли, а больше данных по нему нет, т. е. нельзя говорить о Тенгри-Берды, как крупном крымском военачальнике (сопоставимом с Дивеем). Учитывая, что в русском штабе не зафиксировали имена противостоявших им крымских военачальников в 1572 г., можно полагать, что составитель Повести добавил имя, известное по посольским контактам. Т. е. вероятно, что бой на Сенькине перелазе он не возглавлял или даже не участвовал.

Ход событий и топография в источниках

Как выше разбиралось, сообщение Пискаревского летописца о нападении хана на Тулу нельзя принять как факт, оно не вписывается в стратегические обстоятельства. Боевые действия по «Повести о победе Воротынского» и по разрядным данным начались 26 июля на Оке. «Повесть» далее наиболее подробно освещает события, но требуется уточнять их по другим источникам.

В разрядной записи сказано, что «было дело» сторожевому полку на Сенькине броде 26 июля, 27 июля хан Оку перелез, и в этот же день «было дело» правой руке выше Серпухова (правый полк, согласно разрядной росписи, стоял рядом, в Тарусе). Где перешёл хан, не сказано. Неясен масштаб двух указанных боёв.

Прорыв Дивея выше Оки, в районе Дракина (8 км от устья Нары), подтверждён данными Пискаревского летописца и сочинения Г. Штадена. В разрядной повести и «Повести о победе Воротынского» этот момент не отображён.

В «Повести» через Сенькин перевоз перешёл Теребердий с 20 тыс. нугайцев в ночь с 26 на 27, разгромив находившихся там 200 детей боярских (по разрядной росписи в сторожевом полку было назначено 1713 детей боярских; сторожевой полк изначально стоял на Кашире, а на Лопасне, где был этот перевоз, стоял полк левой руки, куда определили 1351 сына боярского; ночная застава в 200 детей боярских не кажется преуменьшением). 27 июля хан вёл артиллерийскую перестрелку через Оку под Серпуховом, а ночью, оставив на месте 2 тыс. татар (отвлекать «травлей»), перешёл через тот же Сенькин перевоз. Указано, что «большие воеводы» (т. е. большой полк) находились в 3 верстах от Серпухова, что соответствует расстоянию от города устья Нары на Оке (там была переправа). Здесь прямо неясно, оставил ли хан на месте артиллерию, что соответствовало тактике отвлечения русского войска, а заодно сделало бы ханское войско более мобильным.

Разрядная повесть Архивского списка говорит о «деле» на Сенькине перевозе, указано, что хан реку перелез (не уточняя, где) и 28 июля пошёл к Москве (т. е. подтверждено, что переправа была в ночь с 27 на 28). Списки разрядной повести в Пискаревском летописце и летописи Иовы подтверждают данные, что под Серпуховом был боевой контакт с ханским войском, который не смог там переправиться.

Обозначенный только в «Повести о победе Воротынского» двойной переход через Сенькин перевоз вызывает вопросы. Если он к утру 27 июля был под татарским контролем, то почему хан сразу по нему не перешёл? От устья Нары до устья р. Лопасня, где был Сенькин перевоз, не менее 29 км, что представляет затруднение для быстрой переброски в ночное время

больших масс всадников. Это заставляет обратить внимание на Тешилов, как место переправы хана в РК1550. Он находится уже только в 11 км. То, что сама фраза повторяет разрядную повесть о переправе хана в 1591 г. (есть как в РК1550, так и в РК1559, так и в частных разрядах, РК1475–1605: *«перелез июля во 2 день пониже Серпухова под Тешиловым»* [22, с. 210]), может говорить, как о «переносе факта» с 1591 г. на 1572 г., так и о взгляде сына Девлет Гирея в 1591 г., что это проверенная переправа. Либо при позднем составлении разрядных записей за 1591 г. перенесли переправу под Тешиловом с 1572 г. (переправа у устья Нары считается более удобной).

Примечательно, что в кратком вологодском летописце сказано, что ханское войско перешло Оку в 3 местах, что может соответствовать Сенькину перелазу, Дракину и Тешилову. Вопрос с местом переправы хана нельзя назвать решённым.

В ханском письме к царю отражён и момент переправы через Оку *«И мы божиею милостию и помочью, дал бог здорово, Оку перелезчи со всеми своими ратьми, что делан двор и копанные рвы твои видели и с ратью твоею наши сторожи передние, повидевся не ото многа побилися да и мусульманская рать от нас прошалася и похотели дело делати»* [1, с. 181]. Это подтверждает, что переправу через Оку ханское войско осуществило без боёв с крупными русскими силами.

О действиях ногайцев Теребердия после прорыва через Сенькин перелаз в ночь с 26 на 27 июля говорит только «Повесть о победе Воротынского»: *«в 28 день пришел Теребердий мурза под Москву, отнял круг Москвы все дороги, а не воевал и не жег»*. Это не противоречит известному ходу событий. За это время как раз можно было приблизиться к Москве, излишне не утомляя коней. Можно полагать, что также действовал и Дивей мурза.

Разрядная запись и разрядная повесть центральным событием после прорыва Оки называет бой 30 июля, когда был пленён Дивей мурза. Основным боевым событием этот эпизод представлен и в Московском летописце. В «Повести о победе Воротынского» соизмеримым выглядит бой 28 июля, а бой 2 августа выглядит даже решающим. Поэтому эти эпизоды нужно внимательно сопоставить с данными других источников.

Оценка краткого вологодского летописца результатов Молодинского сражения: *«многих людей его побили и самого царя прогнаша»*. В краткой разрядной записи: *«было ему дело на Молодех у Воскресения з государевыми воеводами, и с тех мест назад пошел»*. В расширенном варианте: *«А большое дело было бояром и воеводам с крымским царем в среду у Воскресенья на Молодех. И божиею милостию крымского царя Девлет-Гирея и ширинских князей побили»*. В разрядной повести: *«у крымского царя многих людей, князей и мурз, и татар побили, и Дивея мурзу жива взяли»*.

«побили ис тово норяду в царевых полках многих людей»; *«царь крымской пошел с Молодей к Аке реке. А бояре и воеводы пошли за крымским царем же к Оке реке. Царь крымской, перелезши Аку же реку, пошел в Крым наспех.»* Т. е. официальная (разрядная) оценка – хана вынудили уйти, он понёс существенные потери («многие люди»).

В вводном предложении «Повести и победе Воротынского» уже более категоричная оценка поражения хана, фактически показан разгром его войска (*«войска ево побито безчислено, из земли побежал с немногими людьми»*). В Новгородской летописи она отразилась в указании на гибель 100 из 120 тыс. ханского войска (скорее, этих чисел не было в тексте сеунча, а они были домыслены при его изложении). В самом тексте «Повести и победе Воротынского» больше нет такого прямого указания на разгром ханского войска. Однако по эпизодам сделаны ряд акцентов и добавлений. О записи в погибшие и пленные всего высшего командного состава выше было сказано. Также видим *«многих безчисленно побили»* как результат боёв 28 и 30 июля (не просто «многих»), *«всех побили»* о боях с 3-х тыс. арьергардом 3 августа, *«с тысячу убили»* о боях на Оке с 2-х тыс. арьергардом 3 августа.

Согласно «Повести о победе Воротынского», преследование ханского войска 28 июля «передовым полком» возглавил Дмитрий Хворостин. По разрядной росписи он являлся вторым воеводой передового полка (первый – Андрей Хованский), а передовой полк изначально стоял в Калуге. Возможно, Дмитрий Хворостин был заранее вызван в Серпухов, чтобы возглавить сборный передовой полк для предстоящей операции (отсюда «немцы», которые по разрядной росписи были в большом полку, при описании арьергардных боёв).

По этой Повести мы видим, что полк Хворостина завязал бои с ханским арьергардом, который возглавили царевичи; когда хан прислал им подкрепления, то Хворостин отступил до гуляй-города, огонь из которого остановил противника.

Факт арьергардных боёв с царевичами, которые спровоцировали хана вступить в сражение, подтверждает и ханское письмо: *«а что твои рати назади за мною шли, – и назади у меня дети, увидев, без нашего ведома бой был, которые богатыри сердца своего не уняв, на сердце свое надеясь, немногие наши годные люди билися и двух добрых взяли де, что дети мои без нашего ведома билися; на детей своих покручинивься, назад пришед твоих людей около есми облег. И которая нагайская рать со мною была, учили они говорити, что пришли есмя из нагами пять месяц и нам лежать не прибыльно и лошадем истомно; молвя, все заплакали и нужно свою нам в ведома учинив, заплакав, на ногу пали. И мы потому, поже-*

леючи их, и слова их не отставили, со всеми мусульманскими ратьми и с лошадьми со всеми здорово потише поворотилися» [1, с. 182].

Московский летописец подтверждает нападение на гуляй-город части ханского войска («*нагаи 40000*») в начале Молодинской битвы; также показано, что огонь из гуляй-города остановил противника (как уже говорилось, эпизод о гибели 3 тыс. стрельцов нет оснований принимать как эпизод Молодинской битвы).

Разрядная повесть не говорит о боях после прорыва хана через Оку и до 30 июля, но под ними могла подразумеваться фраза «*и учал передовыя люди тровитися*». А поворот хана с пути с Москвы объяснялся: «*послышал то царь крымской, что воеводы государевы идут за ним, и царь крымской от Пахры воротился назад въстречу государевым воеводам*».

Только в «Повести о победе Воротынского» видим литературно обработанный сюжет, что царевичам пришлось прислать крупное подкрепление (12 тыс.), после чего русский передовой полк отошёл к гуляй-городу. По «Наказу» в принципе запрещались крупные боестолкновения без опоры на укрепленные позиции («*А без крепости наряду и стрельцом не в крепком месте однолично со царем бояром и воеводам не сходитися*»). Потому действие полка Хворостина и должны были ограничиться «травлей» (столкновением с оторванными от основной массы отрядами противника), а когда царевичи пошли против него, то полк отошёл под защиту огня из гуляй-города. Фразу из «Повести о победе Воротынского» про результаты действия этого обстрела «*безчисленно нагайских и крымских татар побили*» нужно рассматривать в контексте стиля данной Повести (не «многих», а именно «бесчисленно»).

В разрядной «Повести о приходе крымского царя» видим два указания на расстояния от места события до Москвы: 30 вёрст до Пахры, 45 вёрст до Москвы. Для измерения расстояний по дорогам между Москвой и Окой в XVI в. мы можем использовать электронную карту, созданную краеведами на ресурсе Яндекс-Карты на основе данных межевых книг [7]. От центра Москвы по тогдашней Крымской (Серпуховской) дороге было почти 37 км до пересечения с р. Пахра (современный мост через реку в Подольске), до села Молоди – 55,5 км. Т. е. пропорция ровно такая же (1,5), как и в отношении указанных вёрст. На версту по этим расчетам получается 1233 м. В версте было 500 сажень – в сажени получается 246,5 см, т. е. использовались «косые сажени», которые определяются примерно в 248 см. Для сравнения, в разрядной повести о ханском походе 1591 г. сказано: «*а начевать ему июля в 2 день на Лопасне реке прошод Серпухов двадцать верст по Московской дороге*» [22, с. 210]. По приведённым расчётам 20 вёрст – это примерно 24,7 км, что точно соответствует прямому расстоянию, а по дороге на используемой карте получается

28 км. Эти расчёты позволяют подтвердить, что события развивались вдоль Серпуховской дороги (Молоди находились именно на ней, но Пахра пересекала ещё Растовскую дорогу).

Здесь следует учитывать, что составитель разрядной повести указывал не на расстояния места событий, а известное ему расстояние до ориентиров, относительно которых эти события произошли.

Эти расчёты могут говорить, что «пятьдесят вёрст» в Новгородской летописи и РК1550 являются искажением от «полпятьдесят». Однако можно обратить внимание, что в Новгородской летописи сказано о реках Рожайке, где находилась церковь Воскресенье на Молодях, и Лопасне. По Серпуховской дороге между ними 16,5 км. А 5 вёрст – это 6,2 км, т. е. можно предполагать, что это расстояние примерно указывало на собственно место сражения (между Лопасней и Рожайкой, ближе к Рожайке). Это расстояния по Серпуховской дороге соответствует современной деревне Красные Холмы. И опять же, это ориентир относительно дороги, а гуляй-город поставили там, где местность была наиболее подходящей.

Расстояния от Серпухова до Пахры по дороге – 63 км, а также нужно было выйти на Серпуховскую дорогу с места переправы (и тогда путь до Пахры не менее 75 км, если от Тешилова, а если от устья Лопасни – не менее 90 км). Если двигаться от устья Лопасни по другой дороге (Растовской), то до Пахры (у села Домодедово) получается 87 км. Для сравнения, в 1591 г. ночь со 2 на 3 июля хан ночевал на Лопасне, а прибыл под Москву, к Котлам, утром 4 июля, пройдя примерно 65 км; обратно бежал из стана за селом Коломенским в ночь с 4 на 5 июля, перешёл Оку в 8 часов дня Оки (порядка 95 км), но при этом *«метал многие лошади и рухледь и запасы»* [19, с. 443–444; 22, с. 210, 215–217].

Т. е. преодолеть 75 км до Пахры за часть дня после ночной переправы – это для конной армии очень большая скорость, достичь которую могли требовать только особые обстоятельства. Видимо, хан стремился достичь Москвы максимально быстрее воевод (и это косвенно свидетельствует, что артиллерия с тяжёлой частью коша была оставлена за Окой). При этом возникает вопрос: а насколько хан дошёл относительно Пахры? Московский летописец пишет, что он до Пахры не дошёл. Разрядная повесть пишет: *«дошел до Похры»*, а затем *«от Похры воротился назад»*. Речь о приближении к Пахре, но не о переправе через неё. Фраза в «Повести о победе Воротынского» *«к Москве не пошел, да перешед Похру реку семь верст да стал в болоте»* может восприниматься как переход хана через реку, причём по контексту (не в сторону Москвы) переход обратный. Мы должны учитывать, что русские не наблюдали прямо за перемещениями хана, могли получать данные от языков и примерно оценивать перемещения ханских сил в целом. Учитывая уж очень большую вычисленную

скорость (тем более, если добавить ещё 7 вёрст), можно предположить, что до Пахры дошли передовые отряды, а сам хан остановился за 7 вёрст (8,6 км) до Пахры (т. е. в районе современного подольского микрорайона Климовск, напротив лесного массива Дубки). Если принять, что хан переправился у Тешилова и по Серпуховской дороге приблизился за 7 вёрст до Пахры, то ему нужно было совершить марш порядка 67 км.

Путь от Серпухова до Молоди составляет 44 км по дороге. Его воеводы проделали с щитами гуляй-города и артиллерией. Место, где полк Хворостина соприкоснулся с арьергардом противника, не указано. Согласно «Наказу», до устройства укреплённых позиций, боестолкновения с крупными силами противника не допускались. Поэтому начало травли и установка гуляй-города на заранее выбранных позициях должно было быть синхронным. Если гуляй-город расположили относительно дороги за более чем 6 км от Молоди, то гуляй-городу и пушкам нужно было уже проделать путь в 35–38 км. А вот «травля» с отрядами царевичей должна была начаться ближе к Молодям.

Здесь нужно остановиться на данном ориентире в источниках. В Новгородской летописи, предположительно в тексте сеунча, Воскресенье на Молоди на реке Рожайки – это один из двух ориентиров, наряду с рекой Лопасней. В самом тексте «Повести о победе Воротынского» о Молоди ничего нет – о нём сказано в водном обобщающем предложении, причём благодаря ранним спискам видим полную форму («на Молодех у Воскресения Христова»), которые в других источниках затем сокращали до «у Воскресенья на Молодех», а затем до «на Молодех». В разрядных записях и разрядной повести «у Воскресенья на Молоди» обозначен как ориентир «большого дела» 30 июля. А затем в разрядной повести видим «крымской царь стоял на Моладех три дни». Т. е. место расположения гуляй-города не привязывалось к Молоди, зато место расположения хана с 31 июля по 2 августа названо как раз Молоди. Примечательно, что в Московском летописце сказано, что хан встал за 5 вёрст от русских позиций, что как раз соответствует разнице между 45 верстами до Молоди и 50 верстами до предположительного места боёв. Можно заметить, что вечером 4 июля 1591 г. между русским обозом (у Данилова монастыря) и ханским лагерем (за селом Коломенским, по берегам Москвы-реки) тоже получалось расстояние примерно в 5 вёрст.

События 29 июля «Повесть о победе Воротынского» характеризует «травлей». В этот день хан должен был дать отдых своим воинам и дожидаться ногайцев Теребердия и Дивея. Воеводы, расположенные вдоль Оки, не могли все прибыть к началу установки гуляй-города.

Описание боя 30 июля в «Повести о победе Воротынского» и в разрядной повести показывает сражение вне действия огня из гуляй-города.

Слова разрядной повести, что хан стоял на Молодях 3 дня, а затем 2 августа пошёл к Оке, говорят, что 30 июля он и расположил свой стан поближе к русскому лагерю, расположившись в районе Молоди.

В разрядной повести боевые действия после 30 июля показаны в виде огневого обстрела из гуляй-города. Т. е. отражение атак на гуляй-город осуществлялось преимущественно стрельбой. В «Повести о победе Воротынского» последний бой, 2 августа, описан с другими акцентами. Атака татар на гуляй-город показана в виде рукопашного боя буквально на его щитах. Показана двойная массированная вылазка Хворостина и Воротынского. Это описание можно согласовать с разрядной повестью только, если перенести описанную вылазку на 30 июля, а рукопашный бой вдоль стены гуляй-города признать в реальности локальными эпизодами относительно огневого воздействия.

В ханском письме царю видим: *«А рать наша прямо с твоею ратью хотели делати. И хотенье их то было, и мы не ослободили. Твоя рать, вшедчи в город, свою голову оборонили. И со страхов дети боярские и пригодные люди твои всяк о своей голове колодези де копали; толко б из города вышли, — наша бы рать, против став, билися; хотя бив городе твоя рать стояла, обороняя свои головы; хотоли наши с ними делати, и мы не отпустили, пожелели: ссталоя ли бы не ссталоя-то дело обычное, и мы рати своей не потеряли. И будет тебе та твоя рать на надобе, и нам наша рать всегда пособщик»* [1, с. 182]. Т. е. русское войско сидело в гуляй-городе, уклоняясь от «честного боя», больших потерь ханское войско не понесло, но и больших потерь русским войскам нанести не удалось. Поскольку адресат знал «как всё на деле было», здесь нельзя подозревать прямого искажения, но в полемических целях можно было делать определённые акценты (хан так и не дал пояснения, почему он ушёл).

Если согласовать эту оценку с описанием разрядной повести, то хан умолчал о бое 30 июля и совсем отрицал атаки на гуляй-город. Можно сказать, хан признался в неспособности в возникшей ситуации нанести русскому войску большие потери, а тем более разбить.

Кроме как в сочинении Штадена, в Пискаревском и Московском летописцах уход хана связывался с ложными слухами о движении рати из Новгорода, что (по версии в сочинения Штадена и Пискаревского летописца) спасло русскую рать от голодной смерти. О последнем уже говорилось — это преувеличение сложностей продолжительного пребывания в лагере (важно, что в ханском письме о голоде в русском лагере не сказано). Но здесь важно, что для стороннего наблюдателя уход ханского войска не связан с активными действиями русского войска.

В остальных источниках о причинах ухода хана совсем не говорится (даже в «Повести о победе Воротынского» большие потери ханского войска и его внезапный уход прямо не связывались). Т. е. для просто наблюдателя причины этого не были очевидны. В таком случае они лежали не в прямой тактической плоскости.

Ситуация может стать понятной, если посмотреть на крымские осады городов, которые не превышали 3-4 дней – это можно объяснить проблемами с обеспечением при продолжительном нахождении на месте. Игнорировать этот «город» не получалось, т. к. находящиеся в нём большие силы нависали над коммуникациями. Если хан смог на оперативном уровне обыграть воевод на Оке, то они его на оперативном уровне обыграли под Москвой.

В этой связи стоит обратить внимание на Собакинский летописец, где в описании кампании 1572 г. имеются известия о постройке гуляй-города по проекту дворянина из Ржевы Володимиrowy Мурата Дмитриева сына Резанова, так как *«до тех мест Гуляя города не бывало»* [14, с. 159]. Это соответствует другим данным, что щитовой «гуляй-город» впервые появился в Береговой рати Михаила Воротынского в 1572 г. [9, с. 201–204; 208–210]. Обычный вагенбург (сопоставимое количество повозок) уже нельзя было так оперативно перебросить. Т. е. мы имеем дело с созданной под конкретные задачи военно-технической инновацией, которая позволила осуществить инновацию в оперативном искусстве.

В «Повести о победе Воротынского» сказано, что *«оставил царь в болоте крымских татар тысячи с три ризвых людей»*. По предыдущему тексту видно, что в «болоте» хан расположился ещё 28 июля, в 7 верстах до Пахры. Расположение его там же и 2 августа противоречит тексту разрядной повести (*«стоял на Молодех»*); а расстояние оттуда только до Молоди составляет не менее 10 км, что представляется слишком большим для частичной блокады русских позиций. Оставление заслона в лагере севернее русского лагеря, когда отступление велось на юг, лишено оперативного смысла. Тактическая картина выравнивается, если убрать «в болоте» – тогда этот заслон осуществлял травлю и ночью, до утра. По тексту Повести этот татарский отряд преследовали до Оки, весь уничтожили, а потом уничтожили половину ещё одного оставленного на Оке 2-х тыс. заслона.

В разрядной повести сказано, что воеводы проследовали за отступавшим ханом до Оки. Здесь можно предполагать какие-то столкновения в форме «травли», но картина боёв 3 августа в «Повести о победе Воротынского» представлена гиперболизированным отражением арьергардных столкновений.

При создании «Повести о победе Воротынского», помимо использования литературных вставок, для достижения поставленной цели (прославления Воротынского) использовали слухи о гибели крымско-ногайских военачальников и реалистичные преувеличивающие акценты о ходе боевых действий. Ход Молодинского сражения показан как решительные действия Воротынского и Хворостина, смело ввязывающиеся в кровопролитные бои. Разрядная повесть показывает действия русской армии, соответствующие зафиксированному в «Наказе» принципу *«дела царя и великого князя поискати, а себя уберечи»*. Действовали наверняка, по заранее проработанному плану, который позволял достигнуть цели (вытеснить ханские войска) без рисков и лишних потерь. Узнав о ситуации на 28 июля, когда этот план начал реализовываться, царь был уверен, что результат будет достигнут, и начал готовиться к походу в Ливонию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буганов В.И. Документы о сражении при Молодах // Исторический архив. № 4. 1959. С. 166–183.
2. Буганов В.И. Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 г. // Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962. С. 259–275.
3. Виноградов А.В. Путивль в сношениях России с Крымским ханством в XVI веке (по материалам Посольского приказа) // Путивль и путивляне в истории и культуре России (1500–1925 гг.): Сборник статей и материалов. М.: Старая Басманная, 2022. С. 18–45.
4. Виноградов А.В. Состав политической элиты Крымского ханства в 1560–1590-х гг. по материалам русской и польско-литовской посольской документации // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2016. № 5. С. 25–41.
5. Генрих Штаден. Записки о Московии. Т. 1: Публикация / Публикация немецкого текста Е.Е. Рычаловского. Перевод с немецкого. С.Н. Фердинанда. Редакция перевода Е.Е. Рычаловского, при участии А.Л. Хорошкевича. М.: Древлехранилище, 2008. 587 с.
6. Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. Т. I. Латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского А. И. Малеина и А. В. Назаренко, с ранне-нововерхненемецкого А.В. Назаренко. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 776 с.
7. Древние дороги юга Москвы в XIV–XVII веках. URL: https://moskva-yug.uscoz.ru/publ/drevnie_dorogi_juga_moskvy/3-1-0-256 (дата обращения 10.02.2025).
8. Ерусалимский К.Ю. Крымское ханство, Речь Посполитая и Российское государство в 1524–1571 гг.: Посольская переписка из архива Великого княжества Литовского // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 4. С. 866–920. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.866-920
9. Комаров О.В. Полевая фортификация Русского государства XV–XVI вв. // Военная археология: сборник материалов научного семинара. Вып. 6: Специаль-

ный выпуск, посвящённый военному делу Московской Руси XV–XVII вв. М.: ИА РАН, 2020. С. 193–220.

10. Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 223–243.

11. Курбский Андрей. История о делах великого князя московского. М.: Наука, 2015. 944 с.

12. Новгородская летописи. (Так названные Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). СПб., 1879. XXIV, 488, 113, [2] с.

13. Пенской В.В. Сражение при Молодях 28 июля – 3 августа 1572 г. // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. II. С. 127–236. URL: http://www.milhist.info/2012/08/23/penskooy_1 (дата обращения 10.02.2025).

14. Петров К.В. Собакинский летописец первой половины XVII в. // Очерки феодальной России. Вып. 7. М.: УРСС, 2003. С. 155–163.

15. Полное собрание русских летописей. Т. 13: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 544 с.

16. Полное собрание русских летописей. Т. 31: Летописцы последней четверти XVII в. М.: Наука, 1968. 264 с.

17. Полное собрание русских летописей. Т. 34: Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М.: Наука, 1978. 305 с.

18. Полное собрание русских летописей. Т. 37: Устюжские и вологодские летописи XVI–XVII вв. Л.: Наука, 1982. 228 с.

19. Разрядная книга 1475–1598 гг. / Подготовка текста, вводная статья и редакция В.И. Буганова. М.: Наука, 1966. 615 с.

20. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II / Составитель Савич Н.Г. М.: Наука, 1982. С.221–440.

21. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. III / Составитель Савич Н.Г. М.: Наука, 1982. С.441–666.

22. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. III. Ч. II / Составитель Л.Ф. Кузьмина. М.: Наука, 1987. 235, [1] с.

23. Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. I / Ответственный редактор В.И. Буганов Составитель Л.Ф. Кузьмина. М.: Наука, 1975. 430 с.

24. Разрядная книга 1559–1605 гг. / Ответственный редактор В.И. Буганов Составитель Л.Ф. Кузьмина. М.: Наука, 1974. 436 с.

25. Тихомиров М.Н. Малоизвестные летописные памятники // Исторический архив. Т. VII. М.-Л., 1951. С. 207–253.

26. Тихомиров М.Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979. 383, [1] с.

27. Waugh D.C. Two Unpublished Muscovite Chronicles // Oxford Slavonic Papers. New Series. 1979. Vol. XII. Pp. 1–31.

Сведения об авторе: Комаров Олег Владимирович – военный историк, участник научно-исследовательского центра «Военная археология» при поддержке Института археологии РАН и Музея-заповедника «Куликово поле» (117292, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация); oleggg888@yandex.ru

Sources about the Battle of Molodi (2)*

Oleg Komarov

Scientific Research Centre "Military Archaeology"

Abstract. The article studies the sources about the Crimean Khan's campaign to Moscow in July-August of 1572 and about the battles that took place there. These sources are represented by a large number of military documents and chronicles written in the 16th–18th centuries. Their texts have been studied and compared. Comparison of sources with each other allowed us to separate out the array of unreliable rumours and distortions. Service documents of the military department are designated as the main sources. The view from the Crimean side is represented by the letter of the Khan. False rumours are also of research interest, as they reflect the view of contemporaries on this war. The involvement of topographical data allows to clarify the places of battles and routes of troops movement. The article is intended to help researchers of the 1572 campaign.

Keywords: Devlet Girey I, Ivan IV, Divey-Murza, Mikhail Vorotynsky, Molodi, Bereg, gulai-gorod, Russian chronicle, razryad (rank) books

For citation: Komarov O.V. Sources about the Battle of Molodi (2). *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2025, vol. 12, no. 2, pp. 16–37. DOI: 10.22378/kio.2025.2.16-37 (In Russian)

REFERENCES

1. Buganov V.I. Documents on the battle of Molodi. *Historical Archive*. No. 4. 1959. Pp. 166–183. (In Russian)
2. Buganov V.I. A Tale of the victory over the Crimean Tatars in 1572. *Archeographic Yearbook for 1961*. Moscow, 1962. Pp. 259–275. (In Russian)
3. Vinogradov A.V. Putivl in relations between Russia and the Crimean Khanate in the 16th century (on the materials of the Posol'skiy Prikaz). *Putivl and Putivl citizens in the history and culture of Russia (1500–1925): collection of Articles and Materials*. Moscow: Staraya Basmanaya, 2022. Pp. 18–45. (In Russian)
4. Vinogradov A.V. The composition of the political elite of the Crimean Khanate in 1560–1590s on the materials of Russian and Polish-Lithuanian embassy documents. *Orient. Afro-Asian societies: history and modernity*. 2016. No. 5. Pp. 25–41. (In Russian)
5. Genrikh Shtaden. Notes on Muscovy. Vol. 1: Publication. Publication of the German text by E.E. Rychalovsky. Translation from German by S.N. Ferdinand.

* Continuation. See the beginning in: Komarov O.V. Sources about the Battle of Molodi. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2025, vol. 12, no. 1, pp. 35–71. DOI: 10.22378/kio.2025.1.35-71 (In Russian)

Edit-ing of the translation by E.E. Rychalovsky, with the participation of A.L. Kho-roshkevich. Moscow: Drevlekhranilishchye, 2008. 587 p. (In Russian)

6. Gerbershteyn Sigizmund. Notes on Muscovy. Vol. I. Latin and German texts, Russian translations from Latin by A.I. Malein and A.V. Nazarenko, from Early New High German by A.V. Nazarenko. Moscow: Monuments of historical thought, 2008. 776 p. (In Russian)

7. Ancient roads of the south of Moscow in the 14th – 17th centuries. URL: https://moskva-yug.ucoz.ru/publ/drevnie_dorogi_juga_moskvy/3-1-0-256 (date of access: 10.02.2025) (In Russian)

8. Erusalimskiy K.Yu. Crimean Khanate, Polish-Lithuanian Commonwealth and Russian State in 1524–1571: The Diplomatic Correspondence from the Archive of the Grand Duchy of Lithuania. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 4, pp. 866–920. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.866-920. (In Russian)

9. Komarov O.V. Field fortification of the Russian state of the 15th–16th centuries. *Military archeology: collection of materials of the scientific seminar*. Vol. 6. Moscow: IA RAN, 2020. Pp. 193–220. (In Russian)

10. Koretskiy V.I. Solovetsky chronicler of the end of the 16th century. *Annals and chronicles*. 1980. Moscow, 1981. Pp. 223–243. (In Russian)

11. Kurbskiy Andrey. History of the affairs of the Grand Duke of Moscow. Moscow: Nauka, 2015. 944 p. (In Russian)

12. Novgorod chronicles. (The so-called Novgorod Second and Novgorod Third Chronicles). St. Petersburg, 1879. XXIV, 488, 113, [2] p. (In Russian)

13. Penskoy V.V. Battle at Molodi, 28 July – 3 August 1572. *History of military affairs: studies and sources*. 2012. Vol. II. Pp. 127–236. URL: http://www.milhist.info/2012/08/23/penskoy_1 (date of access: 10.02.2025) (In Russian)

14. Petrov K.V. Sobakinsky chronicler of the first half of the 17th century. *Sketches of feudal Russia*. Vol. 7. Moscow: URSS, 2003. Pp. 155–163. (In Russian)

15. The complete collection of Russian chronicles. Vol. 13: The Chronicle Collection, called Patriarch's or Nikon's Chronicle. Moscow: Languages of Russian culture, 2000. 544 p. (In Russian)

16. The complete collection of Russian chronicles. Vol. 31: Chroniclers of the last quarter of the 17th century. Moscow: Nauka, 1968. 264 p. (In Russian)

17. The complete collection of Russian chronicles. Vol. 34: Postnikovsky, Piskaryovsky, Moskovsky and Belsky chroniclers. Moscow: Nauka, 1978. 305 p. (In Russian)

18. The complete collection of Russian chronicles. Vol. 37: Ustyug and Vologda chroniclers of the 16th–17th centuries. Leningrad: Nauka, 1982. 228 p. (In Russian)

19. The register book of 1475–1598. Moscow: Nauka, 1966. 615 p. (In Russian)

20. The register book of 1475–1605. Vol. II. P. II. Moscow: Nauka, 1982. 221–440 p. (In Russian)

21. The register book of 1475–1605. Vol. II. P. III. Moscow: Nauka, 1982. 441–666 p. (In Russian)

22. The register book of 1475–1605. Vol. III. P. II. Moscow: Nauka, 1987. 235, [1] p. (In Russian)

23. The register book of 1550–1636. Vol. I. Moscow: Nauka, 1975. 430 p. (In Russian)

24. The register book of 1559–1605. Moscow: Nauka, 1974. 436 p. (In Russian)
25. Tikhomirov M.N. Little-known chronicle monuments. Historical Archive. Vol. VII. Moscow-Leningrad, 1951. Pp. 207–253. (In Russian)
26. Tikhomirov M.N. Russian chronicle writing. Moscow: Nauka, 1979. 383, [1] p. (In Russian)
27. Waugh D.C. Two Unpublished Muscovite Chronicles. Oxford Slavonic Papers. New Series. 1979. Vol. XII. Pp. 1–31.

About the author: Oleg V. Komarov – Military Historian, member, Research center “Military Archeology” with the support of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences and the Kulikovo Field Museum-Reserve (19, Dmitry Ulyanov Str., Moscow 117292, Russian Federation); oleggg888@yandex.ru